

(Пролог: В Дворце Икунь весна скована холодом)

Ворота Дворца Икунь с того самого дня наглухо затворились, отгородившись от всякого внешнего любопытства и шума. Внутри, хоть и по-прежнему роскошно, разлилась необоримая стужа одиночества и гнетущая тишина. Наследная наложница Хуа, Нянь Шилань, была заточена здесь, словно феникс с подрезанными крыльями, запертый в золотой клетке.

После того, как первые ярость и унижение улеглись, на дне осталась лишь бескрайняя обида, смятение и острая боль. Она разбила все зеркала и фарфор, в которых могло отразиться её лицо, изодрала бесчисленное множество драгоценных шелков, но так и не смогла разорвать в своей памяти ледяное, исполненное властности лицо Императрицы и тот звонкий звук пощёчины.

Она ненавидела Императрицу за то, что та не оставила ей ни капли лица, ненавидела её пристрастность, но каждый раз в глубокой ночной тишине тот промелькнувший во взгляде Императрицы «оттенок разочарования» (как ей показалось) вновь отчего-то пронзал её болью, гораздо более сильной, чем след от пощёчины на щеке. Она начинала невольно перебирать в памяти все мелочи их общего прошлого: первое покровительство, предупреждение на снегу, засахаренные фрукты в тёплой комнате, «зелёные хризантемы» в Императорском саду... Все эти, казалось бы, тёплые мгновения, всплывая сейчас в памяти, обретали совершенно иной смысл.

Неужели Императрица относилась к ней только с корыстью и желанием поставить на место?

Неужели те редкие мгновения чего-то иного были лишь её иллюзией?

Почему именно Ань Линжун? Чем же она уступает этой вечно дрожащей и соглашающейся твари?

Эти вопросы терзали её снова и снова, лишая сна и покоя. Будучи гордой, она не желала с лёгкостью признавать свою ошибку и тем более склонять голову, но обстановка, насильно лишившая её шума и милостей, вынудила смотреть в лицо собственному смятению. Она была словно птица, чьи перья намочил дождь, — испуганная и одинокая. И подсознательно начала ждать, что тот, кто ниспослал этот ветер и дождь, снова подарит хотя бы каплю жалости.

В Дворце Цзинжэнь, казалось, и впрямь забыли о ней. Ни вестей, ни единого слова заботы. И Сю по-прежнему ежедневно занималась дворцовыми делами, принимала утренние приветствия, была со всеми наложницами ровна и справедлива, иногда даже участливо справлялась о здоровье Ань Линжун и жаловала ей мелкие, но душевные безделушки — кругом царил полное спокойствие.

Это полное ледяное забвение терзало Нянь Шилань сильнее любого наказания. Она чувствовала себя ничтожной песчинкой, которой Императрице было даже лень уделить хоть немного своих дум.

Так прошло пять дней заточения. На пятый день Цзянь Цю по приказу Императрицы прибыла во Дворец Икунь «проверить» переписанные «Правила для женщин» и «Наставления для женщин».

Цзянь Цю была безупречно вежлива, но голос её звучал казённо:

— Таков высочайший приказ Госпожи: Наследной наложнице Хуа надлежит в тишине размышлять о своих проступках. Рабыня не смеет беспокоить. Но, следуя повелению проверить уроки, прошу Госпожу отдать переписанные тексты рабыне для передачи.

Нянь Шилань, затаив в душе досаду, велела Сун Чжи принести несколько переписанных свитков и ответила с жёсткостью в голосе:

— Я знаю!

Цзянь Цю приняла их, внимательно посмотрела (хотя прекрасно знала, что Императрица их на самом деле читать не будет), но уходить не спешила. Взгляд её как бы невзначай скользнул по всё ещё чуть припухшей и покрасневшей щеке Нянь Шилань (в тот день Императрица ударила сильно) и, понизив голос так, чтобы слышала только Нянь Шилань, она тихо вздохнула:

— Госпожа в тот день... и вправду была в страшном гневе. Вам бы, Госпожа Наследная наложница Хуа, тоже не стоило говорить те слова, что ранят сердце Госпожи. Госпожа управляет всем Шестидворьем, на неё устремлены сотни глаз. А вы тогда ворвались вот так... Ах.

Она покачала головой, не добавив больше ни слова, отвесила поклон и удалилась.

И вот эти несколько двусмысленных фраз, в которых слышалась и укоризна, и будто бы скрытая забота, подняли в душе Нянь Шилань настоящую бурю!

Императрица... была в страшном гневе? Из-за того, что она сказала те слова? А не просто из-за Ань Линжун? Управляет Шестидворьем... сотни глаз... Это было оправданием того, что Императрице пришлось наказать её? Намёком на то... что у Императрицы тоже есть трудности?

Эта едва уловимая, словно бы исходящая от доверенного лица Императрицы «подсказка» упала, как капля воды в пересохшую пустыню, и Нянь Шилань жадно ухватила за неё, преувеличила и принялась снова и снова перетолковывать!

Выходит... выходит, Императрица вовсе не безразлична к ней! Просто она сама зашла слишком далеко, и Императрица не могла сохранить лицо! Императрица защищала дворцовые устои, она делала это напоказ другим!

Стоило этой мысли родиться, как она принялась бешено разрастаться. Вся обида и гнев нашли себе выход — не Императрица бессердечна, а сама она виновата, это она вынудила Императрицу наказать её!

Души её накрыло чувство, в котором смешались раскаяние, самоосуждение и странное облегчение. Ей даже показалось, что то, что Императрица послала Цзянь Цю сказать эти слова, не значит ли это... не значит ли, что она ещё не совсем от неё отказалась?

Однако мысли И Сю в это время были уже далеки от Нянь Шилань. Чтобы приручить гордого охотничьего пса, нужно время и особое искусство: то выказывать холодность, то давать крошечный лучик надежды, чтобы он окончательно потерялся и в итоге добровольно пал ниц, виляя хвостом и выпрашивая подачку. Сейчас для неё важнее было выстроить будущее.

Место Вдовствующей императрицы? Она, конечно, была полна решимости его занять. Однако между «Святой Матерью-императрицей» и «Матерью-императрицей» разница всего в один иероглиф, но власть они дают совершенно разную. Она должна была поддержать такого нового государя, который был бы к ней близок или даже от неё зависел.

Император небогат наследниками. Сейчас на виду лишь два: Третий принц, рождённый от Наследной наложницы Ци, — посредственных способностей, к тому же его мать не заодно с ней; и второй — Четвёртый принц Хунли, живущий в Саду Юаньмин и почти забытый Императором.

— Цзянь Цю, — удалив всех приближённых, вполголоса распорядилась И Сю, — отыщи двух совершенно надёжных людей, с отменной учёностью и глубокими мыслями. Придумай, как тайно, без шума, отправить их в Сад Юаньмин, чтобы они «случайно встретили» Четвёртого принца. Им не нужно раскрывать себя. Пусть только наблюдают исподтишка, а если представится случай, то слегка направят его, явят ему искренность и посеют семена. Запомни: ни в коем случае нельзя допустить, чтобы кто-то заподозрил их связь со мной.

— Слушаюсь, Госпожа. — Цзянь Цю поняла всё без лишних слов. Это была долгосрочная стратегия, требующая постепенного осуществления.

— И ещё, — И Сю кончиком пальца легонько постучала по столу, — почаще навещай Ань Линжун. Она слаба здоровьем. Пусть придворные лекари прописывают ей побольше мягких, укрепляющих и тонизирующих средств. Сделай так, чтобы она... поскорее понесла.

У Ань Линжун происхождение низкое. Если у неё будет сын, то, кроме как положиться на неё, Императрицу, у неё не останется выбора. А уж на чьё имя запишут этого ребёнка, естественно, решать ей. Принц, в чьих жилах течёт низкая кровь, с младенчества находящийся под её контролем, будет куда легче управляем, чем уже взрослый Третий принц или трудно предсказуемый Четвёртый.

Однако дело наследника касается основ государства, риск огромен, и действовать нужно с величайшей осторожностью. Четвёртый принц и сын Ань Линжун — два пути, которые можно

проложить параллельно, а там будет видно, какая фигура окажется крепче.

В Дворце Икунь Нянь Шилань смотрелась в зеркало, глядя на своё отражение — по-прежнему прекрасное, но с налётом усталости и растерянности. Она машинально коснулась щеки, на которой уже давно не было боли.

Вдруг она сказала Сун Чжи:

— Ступай, принеси все переписанные мной «Правила для женщин» и «Наставления для женщин». И ещё... разыщи самую лучшую бумагу и тушь.

Сун Чжи изумилась:

— Госпожа, вы...

— Я стану в тишине размышлять о своих проступках. — перебила её Нянь Шилань, в голосе появилось доселе невиданное упрямство и даже... искорка спешки, которой она сама в себе ещё не замечала, желания что-то доказать. — Госпожа Императрица велела переписать сто раз, значит, я перепишу ровно сто! Ни одним иероглифом меньше!

Она снова села за письменный стол, взяла кисть и в самом деле начала чрезвычайно старательно, черта за чертой, переписывать текст. Словно через эти строки она могла прикоснуться к воле наказавшей её и передать ей знак раскаяния... и надежды быть снова замеченной.

За стенами дворца завывал холодный ветер, внутри мерцали свечи.

Сорока, запертая в золотой клетке, пережив бурю и раскаты грома, не только не устремилась на волю, но принялась чистить перья и то и дело поглядывать в ту сторону, откуда исходила её судьба, в ожидании, что рука опустится снова — на этот раз, быть может, для ласкового поглаживания.

А та, кому принадлежала эта рука, на троне Феникса, обозревала шахматную доску, бесшумно делая ход за ходом.

<http://bllate.org/book/18894/1846960>